Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 3 (816)
21-й год издания

ОГОНЁК

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

17 января 1943 г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Недалеко от Ленинграда, на станции Разлив, в 1917 году в шалаше из ветвей скрывался от шпионов Временного правительства великий Ленин. На этом месте ленинградские рабочие поставили шалаш из гранита. Враг сюда не пройдёт! Он отброшен, блокада Ленинграда прорвана!

Фото А. Капустянского.

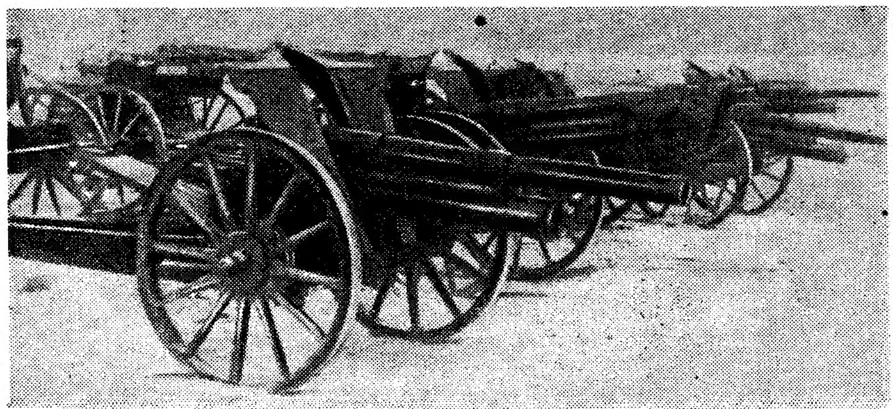

В районе Нижнего Дона

На многие десятки километров усеяны донские степи трофейным оружием — танками, орудиями, автомашинами, пулемётами, винтовками. По дорогам тянутся колонны пленных фашистских солдат и офицеров.

Фото Б. Цейтлина и Фотохроники ТАСС.

ТВОЯ ДУША

ТАТЬЯНА ОКС

Рисунок Б. Шатилова

Рассказ

— Скажи, Нурула: что ты пишешь? Уже скоро рассвет, угли доседели в костре, ты исписал половину тетради и всё грызешь карандаш и пишешь, пишешь... Кому письмо, Нурула?

— Смеяться будешь!..

Нурула подбрасывает в костёр берёзовое полено. Нежная, молочная кора розовеет в пламени, обугливаясь; обындевелые земляные стены траншеи вспыхивают разноцветными огоньками. Нурула задумчиво перебирает листки бумаги, исписанные крупным, детским почерком.

— Скажешь, смешной Нурула, да?..

— Не буду смеяться. Кому письмо?

— Скажешь, глупый Нурула, да? Я знаю... Что ж, я скажу, кому письмо. Думаешь, невесте? Вот и нет. Я уже старый. Думаешь, сколько мне лет?

— Двадцать пять?

— Тридцать восемь! — лукаво улыбается Нурула и взмахивает карандашом. — А на лицо я молодой, да? А знаешь, почему молодой? Я скажу. Когда я родился, моя мать собрала в кувшин росу с кургана Тридцати жён и омыла меня. И оттого я не старею и оттого красивый, да... Ты что смеёшься?

— А кто тебе сказал, что ты красивый, Нурула?

— Вот тебе на! Ты всё хочешь знать, кто да что... Слёт снайперов помнишь? Девушки там были, да? Одна девушка мне сказала: «Ты очень красивый, Нурула, ты очень даже нравишься нам...» Хорошая девушка сказала.

— А ты что ответил?

— Я сказал: «Большое спасибо, пожалуйста!..» Что ещё сказать? Это всё шутки, так... Я хочу тебя спросить, только ты правду говори. Тебе молодые люди письма писали? Скажи, какое самое лучшее слово тебе написал самый дорогой человек? Красивое слово, как алмаз?

— Лучшее слово... «Душа моя» — вот лучшее слово, Нурула...

— Точно! — Нурула торжествующе усмехается, перебирает исписанные листки, находит строчку и, подчеркнув её ногтем, показывает. — Вот, по-нашему — это «душа моя». Ты ещё не сказала, я написал. Ты зачем смеёшься? Я знаю, ты думаешь: девушке пишет Нурула. Ты ещё больше смеяться будешь сейчас: знаешь, кому письмо? Жене. А ты знаешь, когда я женился? Ещё один год пройдёт — двенадцать лет будет. Думаешь, я всегда так для неё писал? Вот и нет, совсем по-другому.

А ты знаешь, как узнавать, счастливый человек или нет? Я научу. Смотри на него утром, когда просыпается. Если улыбнётся прежде, чем глаза откроет, — значит, счастливый. А знаешь, как узнавать, крепко любят тебя или нет? Ой, ты совсем глупый! Я научу. Если он первую твою улыбку сторожит на заре, — значит, крепко любит. Я женился на Аминэ — мы не спали совсем месяц: ждали, кто первый улыбнётся. Ещё месяц, два, три прошли — я спал, Аминэ просыпалась на заре; я открывал глаза, улыбался ей, и она смеялась и целовала меня в глаза. Ещё год прошёл, полтора — стало нехорошо. Аминэ по ночам плачет, жалуется, что я её разлюбил. Думаешь, верно перестал любить? Нет, а так... привык. В правлении колхоза вечерами сидел, в клуб ходил. У Аминэ сын, хозяйство. Она видит: год, два идёт, я подарки ей дарю, деньги все в дом приношу, ещё сына прошу родить, — перестала плакать, привыкла. Знаешь, как стало? Сижу в комнате, заплетаю плеть, не вижу Аминэ. Подойдёт — не оглянусь. А уехала она к младшей сестре на свадьбу, я каждую ночь на новом месте постель стелил: тоска...

Да... Я уехал на фронт, у Аминэ полный чулан продуктов оставил: сало, мёд, мука — всё есть. Пять овчин новых, два сундука одежды. Я в колхозе работал хорошо, мне председатель колхоза сказал: «Сражайся храбро, не думай о семье, сбережём...»

Четыре письма написала Аминэ. Первое о детях, второе о родителях, в третьем жаловалась, что писем от меня нет, в четвёртом спрашивает, правда ли, что на фронте есть молодые девушки, красивые, как невесты, храбрые, как воины, и нет ли у меня новой подруги, не забыл ли старую Аминэ. Я рассердился, знаешь, как? Я тогда под Ольховом был, по пояс в снегу день и ночь, два, четыре раза в сутки в атаку ходил.

Я написал Аминэ: «Ты совсем глупая стала, работы тебе нету, тебе всё равно — война, не война. Кричишь, как курица над пустым гнездом. Мне товарищу стыдно твоё письмо показать».

Проходит месяц, второй — нет больше писем от Аминэ. Наши женщины очень гордые, знаешь! Думаешь, я написал? Нет, я тоже гордый, не пишу, жду... Ещё два месяца проходит — Аминэ молчит. Знаешь, как я тосковал? Три года назад я выводил молодое стадо, золотая кровь, руно, как персидский шолк. Я Сталину на съезде это стадо обещал поднять без потерь. И пришла большая беда: джут кинулся на землю, обледенело всё, трава пропала, молодые овцы к земле примерзают.... У меня сердце вымерзло от горя. Вот и теперь так. Я уже две сотни фрицев набил, третью начал. Приехал командующий в батальон, пожал мне руку, сказал: «Спасибо, Нурула» — и орден дал. Я хочу улыбнуться в ответ — губы твёрдые, как на морозе, не раскрыть. Я письмо жду.

Однажды позвал меня командир: «Садись, Нурула, будем ужинать, чай пить, разговаривать». Хорошо, поужинали, закурили первую трубку. Он мне руку на плечо кладёт, в глаза смотрит, просит: «Скажи, Нурула: почему грустный? Я тебе друг, и ты мне друг. Другу всё можно сказать...»

Что ж, я всё сказал. Меня грызёт беспокойство, может быть, заболели они, Аминэ и сыновья, умерли. Кто может знать, какая беда постигнет нас в дни войны?

Командир сказал: «Не грусти. Я напишу председателю колхоза письмо, и он ответит, как живёт твоя семья. Ладно?» Ударили по рукам, закурили вторую трубку. На другой день он приходит ко мне, говорит: «Отправил письмо, Нурула. Теперь жди, скоро ответ придёт!»

Я ждал. Как ждал, знаешь?.. Ночью закрою глаза — передо мной плывут тёмные косы Аминэ, как две речки с чёрной водой. Слышу голоса сыновей: старший, Нуруджан, на холод жалуется, младший, Актын, лепёшку просит... Я фрицев бил в те дни, знаешь, как? Тридцать пять немецких голов пробил! Беру на мушку, а в сердце кто-то шепчет: «Этот плечи Аминэ согнул, этот с Нуруджана-первенца одежду снял... Вот этот лепёшку из рук Актына вырвал...»

И вот, слушай, пришёл день — зовёт меня командир, подаёт сразу три конверта... Я схватил, убежал в лес: мне одному хотелось быть и слышать голос Аминэ. Читаю первое письмо — раз, второй — не сразу понял... Вот слушай...

Нурула вынимает из кармана кожаный цветной кисет — такие недавно прислали в армию в подарок с Урала. Он осторожно распускает шнурок, в чистом носовом платке завёрнуты три конверта. Нурула берёт первый конверт:

— Слушай, это большой человек писал, старший лейтенант, командир танка, орденоносец...

«Дорогой товарищ Нурула! Шлю тебе горячий привет с Западного фронта.

Нурула, когда кончится война, мы с тобой встретимся, как кровные братья. Связала наше родство твоя золотая жена, Аминэ.

Наш родной город заняли немцы, и жене моей, Лене, с сыновьями Иосифом, Сашей, Леонидом и грудной дочкой Ирочкой пришлось эвакуироваться в твой колхоз. В дороге они пережили много опасностей и лишений. Немцы бомбили эшелон с женщинами и детьми, и, добравшись до колхоза, Лена заболела и умерла. Ребята оказались на попечении колхозников.

Председатель колхоза написал мне, что всех четверых усыновила твоя жена, Аминэ. Я очень переживал это известие. Лена была мне светлым, дорогим другом, и я беспокоился о детях, ведь старшему всего десятый год. Я не находил себе места, пока не получил письма от старшего, Иосифа... Нурула, мой мальчик пишет, что Аминэ заботится о них, как мать, а сыновья твои полюбили моих, как братья. Нуруджан отдал Иосифу свой полушубок, а младший, Актын, копит сладкие печения и, когда соберёт большую горсть, приносит и высыпает её на колени Ирочке. Он

**Нурула сидел в офицерском блиндаже, у печки.
— Хорошее новое место! — спросил, здороваясь, Нурула.**

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТИХИ

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

Доблесть

(Зима 1941 года)

Если бы Ленин
В Смольный входил сейчас,
Если б он видел свой город
В месяцы эти,
Был бы его прищуренных,
Неустрашимых глаз
Всевидящий взгляд и горяч и светел.

Город в блокаде,
Забиты фанерою рамы,
В домах потрясённых и стужа
И тяжкая днём темнота.
Хлеб меря насущный
На самые жёсткие граммы,
Живут ленинградцы,
Геройски стоят на постах.

Верстак озаряя свечой
Или «мышью летучей»,
Привычно ладони свои согревая
В труде боевом,
Прославленный мастер
Обстрелянных юношей учит
Во славу отчизны
С ножовкой дружить, с молотком.

Кузнец, и художник,
И врач, и швея непреклонны:
Все знают часы,
Когда их ремеслу надо жить.

Таких и в беде
Не прельстят шептуны и шпионы!
Вовек ленинградскую доблесть
Нигде никому не сломить.

Не так ли боролся
За счастье народное Ленин,
И жил в шалаше,
И скитался по землям чужим?
Но перед врагами
Ни разу не встал на колени,
Он в тюрьмах и ссылках
Был верен
Великим надеждам своим.

И солнцем надежд его сбывшихся
Город гранитный
Как самый достойный
Был первым из всех озарён.
И стал Ленинградом наш город,
Всему человечеству видный,
За счастье народов сегодня
По-ленински борется он.

Вперёд же, герои,
Бойцы краснозвёздных отрядов!
Врага опрокинем, растопчем,
Ломая все глыбы преград,
Чтоб Сталин сказал нам:

— Не зря над Невой Ленинградом
Был назван
Воинственный город Руси
Петроград.

Когда говорил Сталин

Под ветром ноябрьским,
По-зимнему жёстким,
У радиорупора на перекрёстке
Толпою затихшею люди стоят.
Снежинки с вечернего неба летят.

Вот рядом стоят,
Словно сын и отец,
Сержант молодой и знакомый кузнец.

Луна озаряет открытые лица,
Сталин родной говорит из столицы.
Луна озаряет дома и дороги,
Завыла сирена воздушной тревоги.

И скрипнули двери подвалов, калитки,
Всё чаще и чаще грохочут зенитки.
Враг бомбы бросает, и зданья дрожат,
Но люди не дрогнули—
Люди стоят.

У радиорупора светом луны
Суровые лица озарены...

Везде вас узнаешь, друзья ленинградцы!
С коварной ордой нам приходится
драться.

Но Сталин нас учит победе,
И с ним —
Со Сталиным — мы
И теперь победим.

пишет, что Аминэ иногда устанет, забегается в хлопотах и путает детей: хочет позвать Иосифа, зовёт Нуруджана, хочет дать шлепка напроказившему Саше, а попадает Актыну. Кроме моих ребят Аминэ приютила ещё старую мать снайпера товарища Птышко — Олесю Марковну.

Я читал письмо сына боевым товарищам, и они позавидовали тебе, Нурула! Большое счастье для человека — иметь жену с такой прекрасной душой, как у твоей Аминэ...»

Нурула опустил письмо, крепко хватил меня ладонью по колену и залился неудержимым смехом.

— Ой, Аминэ!.. Ты знаешь, какая она? Вот! — он поднял руку в рост двенадцатилетнего ребёнка. — И тоненькая, как молодая берёзка... А голос у неё, как у птицы: в сильный ветер позовёт — не услышишь! Когда я женился, мой отец всё вздыхал: «Что за жену ты взял, Нурула? Народит сыновей — слушать её не станут. Во двор пойдёт — овцы разбегутся, похлёбку варить — котёл не поднимет». Ты знаешь, ты только не смейся: она мышей до слёз боялась!.. Ты ещё слушай немножко: я прочитаю, что председатель колхоза пишет.

Нурула раскрывает второй конверт и долго водит пальцем по строчкам. Разыскав нужное место, он медленно и звучно, как стихи, читает:

«Весной мы организовали совет помощи фронту. Секретарь совета — твоя Аминэ. Она уговорила всех женщин принести по овчине и с помощью активисток сшила пятьдесят полушубков для фронта сверх плана. Она заведует седьмым загоном для скота, и ты бы посмотрел, Нурула, какие чистые и толстые коровы там стоят! Смотри, сражайся лучше: нехорошо отставать в боевых делах мужу такой активистки, как Аминэ».

Новый удар по колену чуть не опрокинул меня в костёр: Нурула стонал от смеха, раскачивался и вытирал рукавом слёзы:

— Ой, Аминэ! Я бы всё отдал, чтобы посмотреть, как командует Аминэ в седьмом загоне. Там стоит чёрный бык. Знаешь, как молилась по ночам Аминэ? «Великий бог, сохрани меня от злобы мужа, чёрной оспы и страшного быка...» Да... — он покачал головой и, всё ещё смеясь, прибавил: — Правду говорят старики: «Не дано постичь до конца своих дней человеку намерений бога, глубины неба и сердца жены...»

— А третье письмо от кого, Нурула?

— Так... Один человек пишет. Снайпер Андрей Птышко.

Нурула развернул третий конверт и сдержанно прочёл:

«Мать пишет, что Аминэ не получает от тебя известий и беспокоится день и ночь... Смотри, Нурула, я скоро поеду в отпуск, к матери, познакомлюсь с Аминэ и скажу: «Нурула не пишет — выходи за меня. Такой жене, как ты, я дважды в день писать буду. Спасибо тебе, Нурула, и твоей жене за мать. Она пишет, что от родной дочери не ждала бы столько уважения и забот, сколько получает от Аминэ...»

Нурула вытряхнул из конверта маленькую фотографию чубастого сероглазого парня с молодецкими усами.

— Вот,— сухо сказал он,— карточку прислал. Написал: «Лучшему дружку Нуруле от Андрея». Смотри: красивый он? Медсестра Соня сказала: «Очень красивый»,— а мне не нравится... Интересно, когда он в отпуск едет, верно?

— Аминэ не написала, Нурула?

— Не написала,— Нурула вздохнул и принялся акуратно завёртывать письма в платок.— Она очень гордая, знаешь? И я её обидел, верно... Мне командир сказал: «Твоя Аминэ, как моя сестра, Вера. Самое красивое платье подари — отбросит, не взглянет. Хорошее слово от сердца скажи — душой тебе будет...» Командир ещё сказал: «Женщине хорошее слово, ласка,— очень надо. Без него они, как цветы, чахнут, а с ними — крепче стальной брони». Так у них сердце устроено, знаешь?

Он помолчал, спрятал кисет с письмами в карман, вытащил кисет с табаком, свернул папиросу и после первой затяжки тихо сказал:

— Два дня ей письмо пишу. Все хорошие слова, какие знал, написал. Утром письмо пошлю, когда ответ будет?

На рассвете Нурула ушёл в бой. Мы встретились через двое суток, на новом, завоёванном рубеже. Нурула сидел в офицерском блиндаже, у печки, и кинжалом скалывал лёд с полушубка.

— Хорошее новое место? — спросил, здороваясь, Нурула. — Завтра вечером приходи, ещё лучше место будет. Завтра мы далеко уйдём! У меня глаза не смотрят: ночь письмо писал, две ночи дрался. Вот рука сильно болит, видишь?

Он показал распухшие пальцы с ссадинами на суставах.

— Думаешь, отчего так болят? Сюда прибежал, прыгнул в блиндаж — диск пустой, гранаты все. Офицер на меня с кинжалом... Я размахнулся и кулаком по голове. Сразу умер. Только чёрное пятно на виске показалось.

— Здоровый же ты, Нурула!..

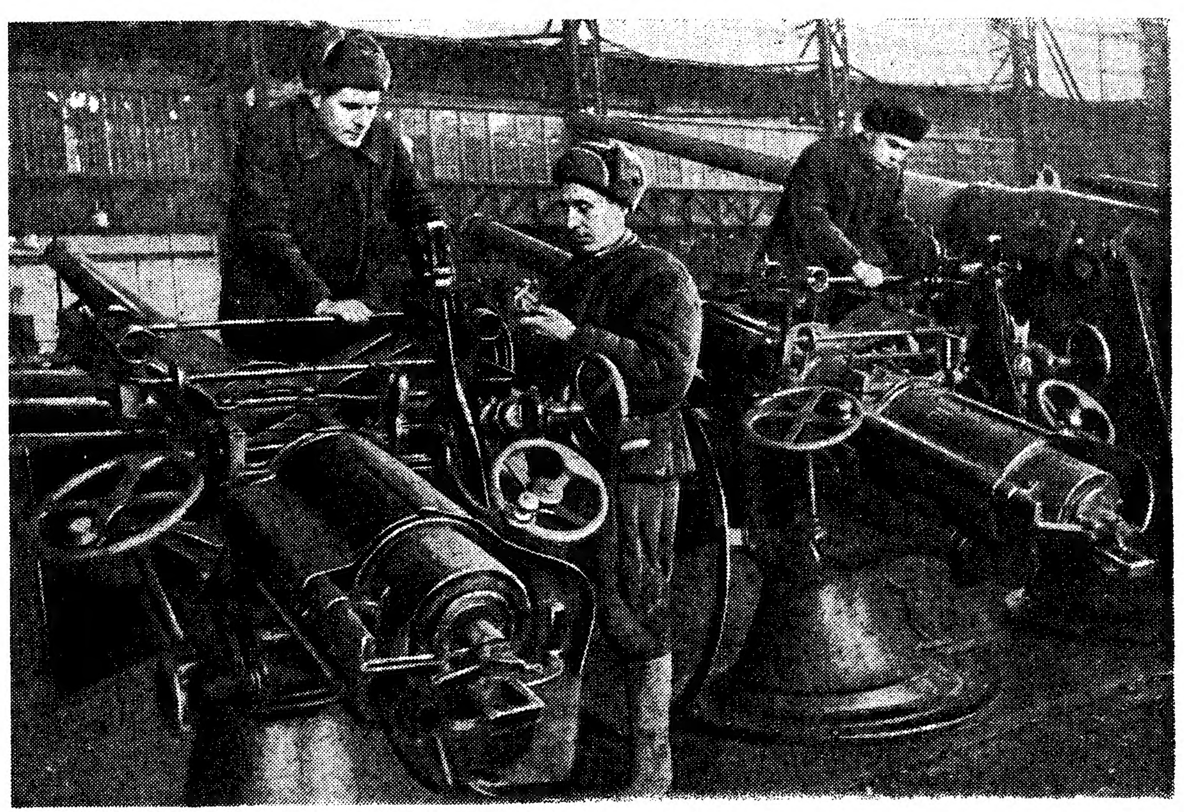
— Я?.. Я тебе сказал, отчего. Когда родился, мать собрала в кувшин росу с кургана Тридцати жён и омыла меня...

Прихлёбывая горячий коричневый чай, Нурула рассказал мне, что много лет тому назад была большая война. Враги разгромили казахские селении, захватили тридцать жён и много детей лучших воинов и согнали их в большую юрту, чтобы наутро разделить между собой: жён — на забаву, детей — в рабство.

Когда стража задремала, жёны воинов крепко обнялись на прощание, кинжалом, спрятанным у одной из них, закололи сонных детей и подожгли юрту. Наутро враги пришли и увидели вместо юрты высокий тёмный курган из золы и пепла.

— И если собрать росу с этого кургана и омыть новорожденное дитя,— вырастет сильный, красивый и храбрый воин,— сказал Нурула, сонно расстилая полушубок и пристраиваясь у печки. — Так сделала моя мать, а она очень умная женщина...

ГОРОД ЛЕНИНА НА СТРАЖЕ

Изумительные образцы беззаветной храбрости, мужества и самоотверженности показали всему миру героические граждане Ленинграда. Дух великого Ленина живёт в этом городе на Неве, гордости отечества. Город начеку: враг ещё близок. Отдать фронту, родной Красной Армии все силы, средства, способности — таков лозунг ленинградцев. Мощные орудия и тяжёлые танки, автоматы и пулемёты, мины и бомбы дают они фронту.

На снимках вверху и внизу, слева: выпуск орудий и тяжёлых танков. На снимках в центре: слева — бойцы нового пополнения проходят боевую подготовку; справа — подразделение автоматчиков.

И точно символ ленинской стойкости—краснофлотец-часовой (снимок внизу справа), зорко несущий почётную вахту в городе, носящем имя великого вождя.

Фото А. Капустянского, Б. Кудоярова и Б. Лосина

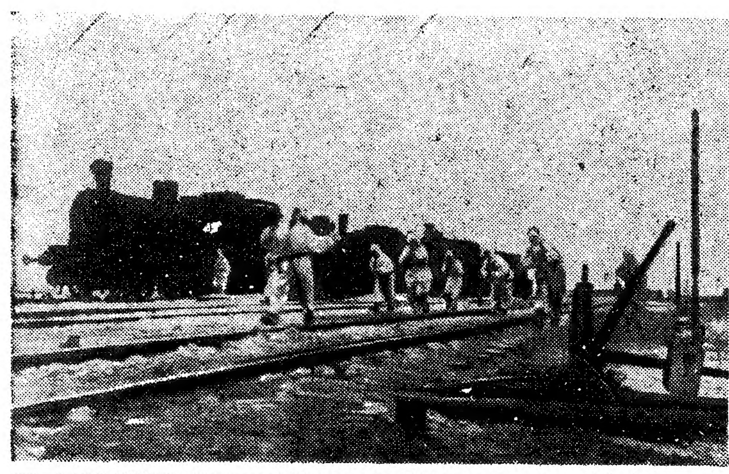

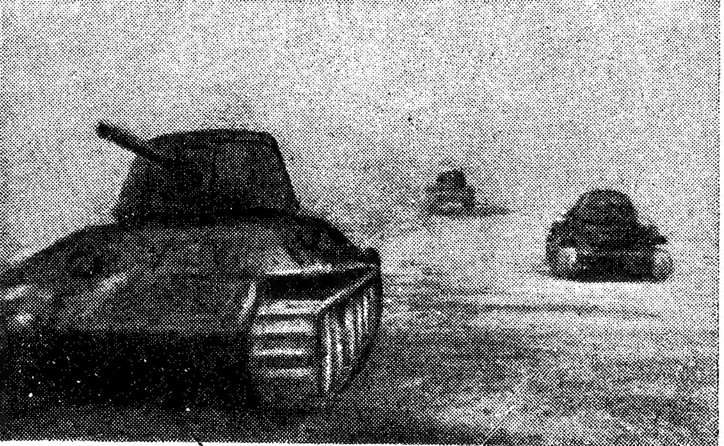

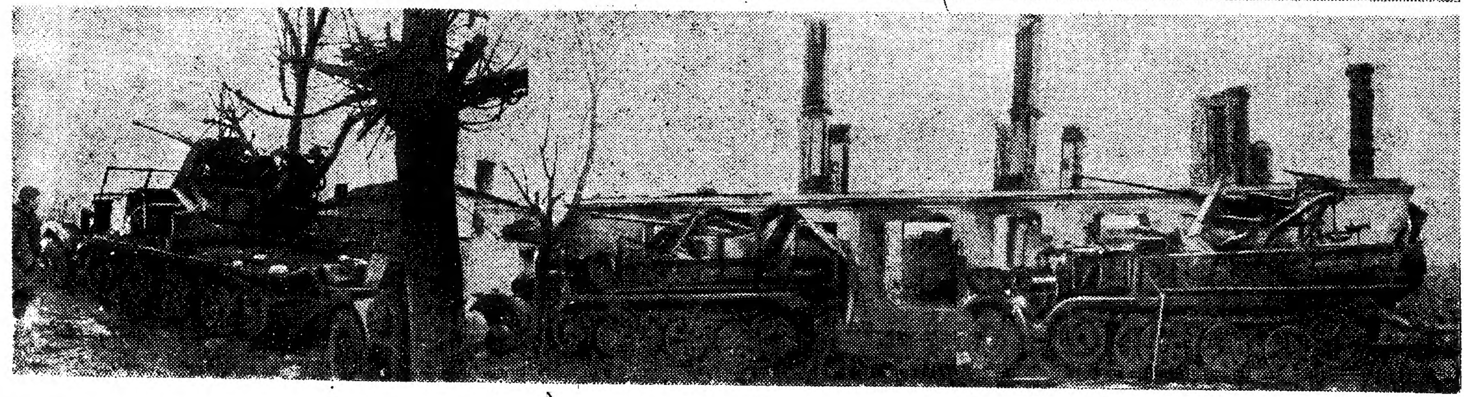

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ЛУК

Фото С. Коршунова и Н. Мак[illegible]

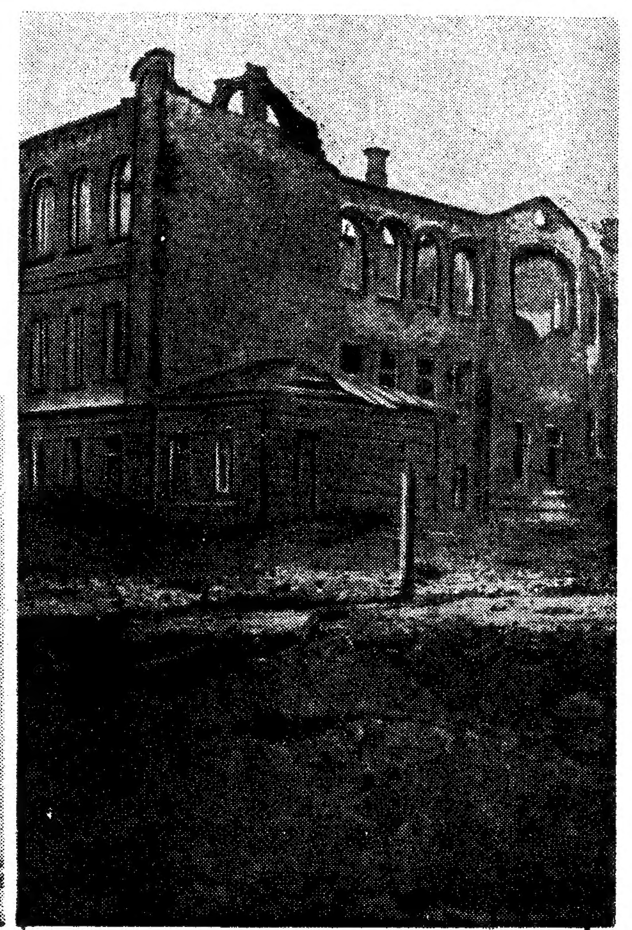

Полтора года хозяйничали фашисты в Великих Луках. Они превратили город в узел обороны — минировали все подходы, опутали улицы колючей проволокой, установили в подвалах, на чердаках домов орудия и пулемёты. Немецкий гарнизон состоял из отборных головорезов, которые оказывали нашим наступающим войскам ожесточённое сопротивление. Фашисты обрушили на наших бойцов ливень артиллерийского, миномётного и пулемётного огня. Советские войска обошлн город, охватили его кольцом, которое с каждым днём сжималось всё плотнее, и, накоиец, решительным ударом прорвали вражескую оборону и ворвались в город. Бои продолжались на улицах, за каждый дом, за каждый метр земли. В результате упорных уличных боёв немецкий гарнизон, отказавшийся сдаться, был уничтожен. Город освобождён от фашистских захватчиков. Красное знамя снова победно реет над Великими Луками.

На снимках вверху: слева — наши бойцы преследуют отступающих гитлеровцев; на железнодорожных путях стоят паровозы, отбитые у врага; справа — наши танки атакуют немцев. На снимках в центре и справа внизу: на улицах города — мостовые изрыты глубокимн воронками, дома разрушены. Это следы хозяйничания немцев. По всему городу разбросаны орудия, автомашины, танки немцев. На снимке внизу слева: бойцы железнодорожного батальона восстанавливают железнодорожный путь на линии Великие Луки — Новосокольники.

«БЕЛОКУРЫЕ» ЗВЕРИ

Г. МОЖАРОВ

Гитлеровцы очень гордятся своими предками, в особенности средневековыми. Они полагают, что у этих предков с наибольшей полнотой выражено якобы особое «начало», которое будто бы отличает выдуманную фашистами «чисто германскую расу господ» от всякой другой человеческой расы. Как известно, мракобес Ницше окрестил это «начало» ласкательным прозвищем «белокурая бестия». В переводе на наш, человеческий язык это означает совокупность самых низменных, самых кровожадных инстинктов — звериное начало в человеке.

Что же представляет собою в натуральную величину эта «белокурая бестия» и как воплощался её тлетворный дух в деяниях пресловутых «германских предков»? Знать об этом небесполезно, ибо это даст нам более ясное представление о том «новом порядке», которым Гитлер хочет закабалить человечество.

На протяжении многих столетий «белокурая бестия» оставляла повсюду в Европе свои мерзостные следы — буйства, насилия и разрушения.

В V—VIII веках на европейской арене выделялись своим исключительным бесчинством готы, вандалы и тюринги. Это было одно из первых и наиболее зверских воплощений «белокурой бестии», которыми особенно гордятся гитлеровские немцы.

По свидетельству одного из писателей того времени — Сальвиана,— «готы и вандалы в 412 году опустошили семнадцать галльских провинций, гоня перед собой, как стадо животных, сенаторов и матрон, господ и рабов, женщин и детей... Спаслись только два города: Труа и Париж». Сальвиан видел целые города, заваленные трупами, «собаки и хищные птицы, пресыщенные гнойным мясом трупов, были единственными жильцами этих кладбищ».

Один из франкских королей — Теодорих,— вспоминая спустя восемьдесят лет о зверствах, совершённых тюрингами на земле франков, писал: «Обрушившись на наших отцов, они похитили у них всё. Они вешали их детей по деревьям за ноги. Они умертвили ужасной смертью более двухсот молодых девушек: одних они привязывали за руки к шеям лошадей, потом гнали животных острым рожном и разрывали жертву на куски; других растягивали на дороге и прибивали кольями к земле; после того проезжали по ним с нагруженными телегами, раздробляли им кости и в заключение бросали на съедение воронам и собакам».

Европа и вся Северная Африка были превращены в печальную пустыню. «От моря и до моря,— писал летописец Гильда,— святотатственная рука варваров разнесла пожар».

Ужасное зрелище представляли собой страны, лежавшие от Константинополя до подножья Альп. Вся Фракия заросла травой, среди которой белели лишь груды человеческих костей.

Не пощадила святотатственная рука варваров и древнейших культурных сокровищ Рима. Каждый новый набег варваров увеличивал в нём число развалин. Население этого прекрасного города уменьшилось в V—VIII веках с трёх миллионов до восьмидесяти тысяч человек. «Италию,— пишут современники,— покрывали леса и болота; волки и другие дикие звери бродили по амфитеатрам, но им уже некого было пожирать».

Особенную необузданность, с которой могут лишь конкурировать бесчинства нынешних эсэсовцев, проявляли их предки при ограблении покорённых стран. «Повозки готов и суда вандалов,— сообщает летописец,— были наполнены всем, что искусство Греции и Рима накопило в продолжение нескольких столетий. Старый король вандалов, Гензерих приказал жителям Карфагена выдать ему под страхом смерти все сокровища, которыми они владеют; земли проконсульских провинций он разделил между своими сподвижниками. Этот же самый король дочиста ограбил Рим и Капитолий; из меди, бронзы, золота и серебра он «составил себе состояние в несколько миллионов талантов...»

В последующие исторические эпохи «белокурой бестии» удавалось ещё много раз производить новые опустошения в Европе. С особенным упоением вспоминают гитлеровские бандиты о варварском разграблении Рима в XVI веке.

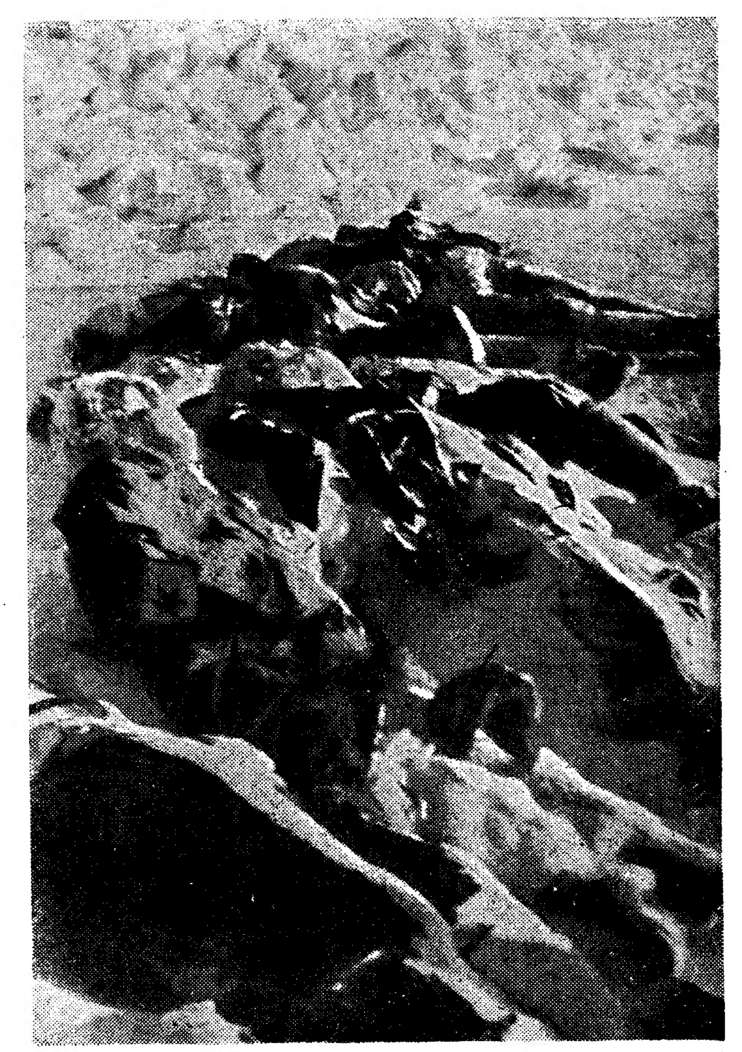
«В 1525 году,— читаем мы в истории,— войска германского императора Карла V напали на Рим и подвергли его неслыханному разграблению. Немецкие солдаты избивали римлян без всякого сострадания. Они осаждали дома под звуки флейт (чисто немецкая «музыкальность!) и убивали всех обитателей. Затем разнузданная солдатчина занялась грабежами. Чтобы вырвать у населения деньги, немцы переламывали своим жертвам ноги, выбивали зубы, отрезали уши, которые потом жарили и заставляли несчастных съедать их».

Да, нынешние немцы по справедливости могут гордиться своими предками, хотя, впрочем, по части зверств они уже давно успели обогнать своих прародителей.

* * *

Ещё одно не менее поучительное воплощение «белокурой бестии» мы находим в период деятельности первых Гогенцоллернов — Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II, прозванного немцами «великим». Отныне «белокурая бестия» на долгие годы приняла облик тупого, самодовольно-наглого, хищного и вероломного пруссачества с присущим ему стремлением «слопать весь мир», ненавистью ко всему не немецкому и презрением к культуре.

Оба короля: и Фридрих-Вильгельм I и Фридрих II — задушили в стране всякую свободную мысль и превратили Пруссию в мрачную казарму. Фридрих-Вильгельм питал ненависть ко всякому проявлению культуры. Он приказал известному философу Вольфу «под угрозой верёвки» в двадцать четыре часа покинуть Пруссию. Знаменитого Лейбница он третировал за то, что тот «неспособен был даже стоять на часах».

При освобождении населённого пункта А. (югозападнее Сталинграда) найдено восемь трупов советских граждан, зверски замученных немецко-фашистскими палачами.

Фото А. Фридляндского (ТАСС).

Фридрих II был таким же грубым солдафоном, как и его папаша. При нём Пруссия превратилась окончательно в царство муштры, дикого бюрократизма, произвола и насилия. За малейшее неосторожно сказанное слово «верноподданных» бросали в тюрьму. Во внешней политике Фридрих II действовал методом разбойничьего захвата и на каждом шагу вероломно изменял своим союзникам. Это был «великий» ханжа и плут.

* * *

В XIX веке дух пруссачества проявлял себя с особенным неистовством. Внутри самой Германии это выражалось в смехотворном и в то же время зловещем движении так называемых «старогерманцев», пытавшихся насадить в стране культ «тевтонизма».

Герцен, бывший свидетелем первых прусских грабительских авантюр, ясно предвидел опасность, надвигавшуюся на Европу.

«Теперь,— писал он,— пойдут озёра крови, моря крови, горы трупов, а там тиф, голод, пожары...»

Как и все лучшие люди того времени, Герцен всеми силами души ненавидел пруссачество, ставшее носителем самого звериного шовинизма и безудержной агрессии.

Герцен называл Пруссию «немецкой Бастилией народов».

Глеб Успенский, посетивший однажды Берлин, даёт замечательный образ надменного пруссака:

«Палаш, шпоры, каска, усы, два пальца у козырька и под ними — тупая самодовольная физиономия победителя».

Образ торжествующей «белокурой бестии»!

* * *

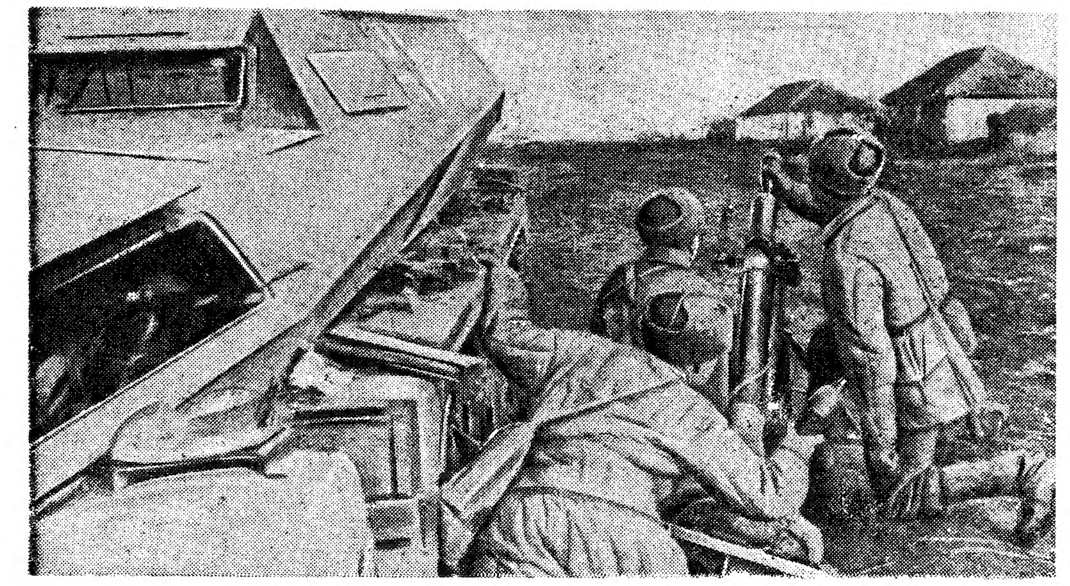
Для немецкого зверя вновь наступили дни кровавого разгула. Вот уже три с лишним года, как фашистские бандиты беснуются среди развалин, в которые они превратили цветущие города Европы.

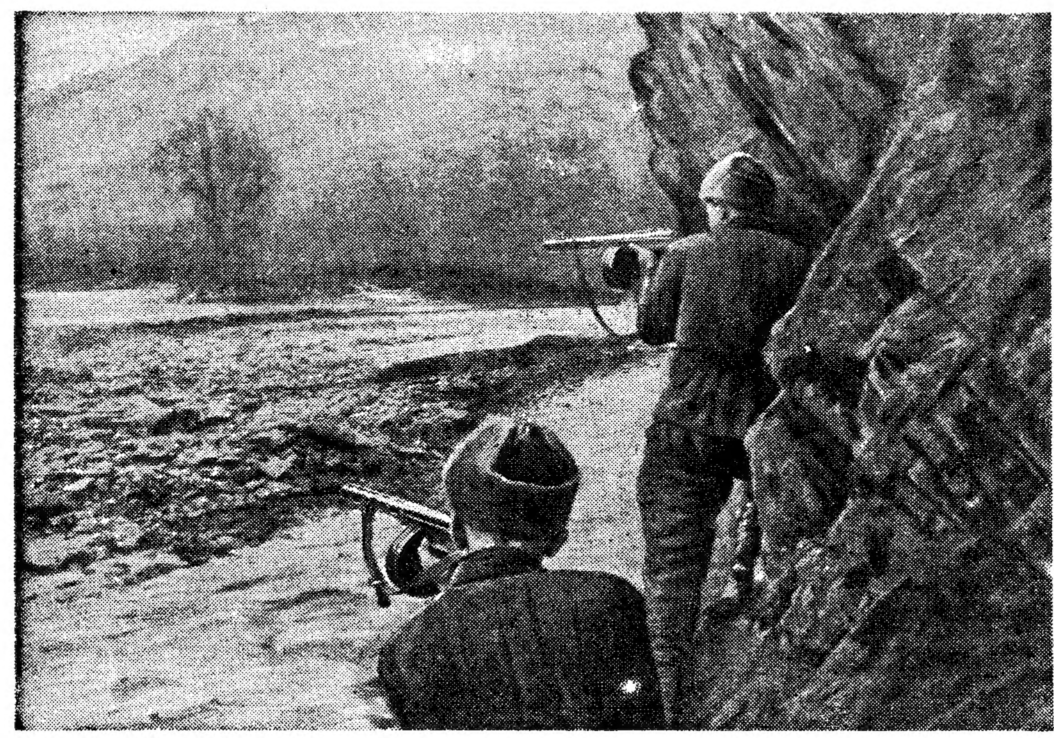
Но близок час, когда зверю переломят хребет. Свершится то, о чём Гейне пророчески писал, бичуя ненавистных ему тевтонов:

«Я уверен, что коммунизм, которому они первые попадутся на дороге, нанесёт им последний удар, и, конечно, не палицей пришибёт их гигант, а раздавит ногой, как давят гадин».

Раздавить раз и навсегда!

ПО ДОЛИНАМ И ВЗГОРЬЯМ КАВКАЗА

Красная Армия успешно очищает Северный Кавказ от немецко-фашистских войск.

Четыре месяца шла ожесточенная борьба на Тереке. В этой борьбе большую роль сыграли народы Кавказа. Черкесы, чеченцы, ингуши, дагестанцы, осетины сели на коней, взяли в руки автоматы и пошли в бой вместе с русскими, украинскими, армянскими, грузинскими своими братьями.

Доблестные наши войска, защищавшие подступы к Кавказу, измотали немцев, нанесли им тяжёлый удар под Владикавказом (гор. Орджоникидзе) и перешли в наступление. Кавалеристы-гвардейцы, слава о которых шумит в горах Кавказа, прошли по Кизлярским степям и внезапным ударом выбили немцев из Моздока. Вслед за этим наши войска взяли десятки населённых пунктов, очистили от фашистской погани ряд советских городов, в том числе всю Минераловодскую группу, и погнали врага на север, на запад.

Сейчас немцы уже не видят ни верщин Казбека, ни контуров горного хребта. Не гитлеровский мираж нефтяных вышек, а заслуженное возмездие предстаёт перед воспалёнными взорами фашистских бандитов, которых гонит и истребляет Красная Армия.

На снимках слева (сверху вниз): наши пехотинцы короткими перебежками накапливаются к атаке. Миномётный расчёт из-за подбитой немецкой машины обстреливает врага (район Нальчика). Горные автоматчики азербайджанцы А. Абдулаев и Б. Абасов на огневом рубеже. На снимках справа (сверху вниз): советские стрелки ведут бой у водного рубежа. Автоматчики выбивают фашистов из населённого пункта в районе Нальчика. Наши сапёры восстанавливают разрушенный немцами мост. На снимках посредине: вверху — советские бойцы входят на окраину отбитого у гитлеровцев населённого пункта; внизу — население радостно встречает бойцов Красной Армии.

Фото С. Короткова.

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки О. Верейского

7. АРЕСТОВАННАЯ КУРИЦА

Уголовный мир знает сотни разнообразных способов отъёма или увода чужой собственности. Аферисты и жулики всех стран и веков немало поработали над совершенствованием техники домушничества, фармазонства, подлогов, грабежей со взломом и без такового. Обыкновенная, так сказать вульгарная, карманная кража у отдельных виртуозов стала тонким искусством, а испытанные мастера «мокрых дел» научились отправлять людей к праотцам так изящно и бесшумно, словно это было не убийство, а маникюр. Самые знаменитые воры прошлого с их грубой поножовщиной и хриплыми: «Отдавай кошелёк!» или «А, ну, скидавай епанчу, дои паршивый!» — рядом с обыкновенным современным трамвайным воришкой оказались нелепыми и устаревшими, как конка перед аэропланом. Конокрадов сменили автокрады. Отравители уступали место электроубийцам.

Однако на фоне быстрого прогресса воровского искусства и техники грабежа основное осталось неизменным: в каждой стране воров всегда было гораздо меньше, чем обворовываемых. Именно из-за этого извечного соотношения сил и шли жулики на все перечисленные выше неслыханные ухищрения. Вор — это одиночка. Грабитель,— как правило, кустарь-индивидуал, воюющий с законом, который ограждает права остального населения.

Если бы было иначе и воры составляли большинство, произошла бы ужасная катастрофа. Жулики стали бы сочинять законы, которые предписывали бы всем свободно изымать чужую собственность. Убийцы создали бы своё министерство, которое производило бы орудия убийства и создавало все условия для процветания этого почётного ремесла. Карманщики внесли бы в правительство проект об обязательном ношении одежды с незастёгивающимися карманами, а взломщики потребовали бы категорической отмены замков, крючков и щеколд. Земледелие, промышленность и прочие полезные ремёсла заглохли бы — и люди грабили и убивали бы друг друга до тех пор, пока на опустевшей земле не остался бы самый ловкий убийца, ограбивший всех остальных.

Гитлер захотел быть этим человеком—главой империи грабителей и убийц. Геринг стал во главе министерства убийств с его многомоторными орудиями отправки на тот свет. Добыча (отъём, увод) чужой собственности была объявлена основной профессией истинного германца. Каждый немецкий солдат получил вперёд оправдательный документ — приказ «фюрера» о личной заинтересованности в войне.

Естественно, что при таких грандиозных грабительско-воровских масштабах вся сложная уголовная техника оказалась ненужной. В оккупированных областях при так называемой организации вещей и продуктов немецкие солдаты пользовались приёмами простейшего взлома, а при повседневных убийствах никто уже не заботился о безболезненности. Вновь возродилось «мокрое дело» как таковое, с ударами по черепу, поножовщиной и прочими приёмами.

Некоторые офицеры и административные деятели Германской империи занимались более тонким делом: производили вторичный отъём у ранее ограбленных. Это называлось «выявлением ресурсов».

Именно в этой области и прославился господин обер-лейтенант фон Райнбах, комендант деревни Крушинина.

Сейчас он был занят разработкой новой налоговой системы и с утра тщетно пытался сосредоточиться. Ему мешал Швейк. Четырнадцать раз бравый солдат завязывал разговор и нагло пользовался тем, что, пока Райнбах произносил: «За-за-замолчите!» или «Не ме-шайте!», — он успевал рассказать одну—две истории. На пятнадцатой попытке обер-лейтенант не выдержал и послал бравого солдата проверить, как проходит в деревне сдача натурального налога на домашнюю птицу и скотину.

Два часа никто не тревожил фон Райнбаха. Он исписал целую страницу и уже взялся было за чистый лист, но в этот момент в сенях раздалось оглушительное кудахтание. Затем послышался мягкий, увещевающий голос Швейка:

— Не вырывайся, а то, согласно уставу, я применю оружие. И не хлопай крыльями попусту, это будет рассматриваться как сопротивление конвой... Ой-ой-ой! Ах, ты клеваться?!

Кудахтание перешло в клокочущий хрип. Очевидно, несчастную птицу начали душить.

— В чём де-де-дело? — взвизгнул фон Райнбах и распахнул дверь.

Бравый солдат при виде коменданта немедленно отпустил большую чёрную курицу и вытянул руки по швам.

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, — начал он, но не успел закончить, так как очумевшая птица вдруг взлетела на стол и, опрокинув чернильницу, с ошалелым кудахтанием протопала по рукописям господина обер-лейтенанта.

Райнбах беспомощно растопырил руки и кинулся к столу с криком:

— Ку-ку-куда? Ку-ку-куда?

— Осмелюсь доложить, вы зря её передразниваете. Она от этого ещё больше нервничает, — сказал Швейк и попытался схватить курицу за хвост.

Но подлая птица неожиданно перешла в контратаку. Она клюнула обер-лейтенанта в монокль, затем взлетела под потолок и спикировала оттуда на голову Швейка, где и замерла в горделивой позе. Швейк в пилотке, увенчанной птицей, сразу стал похож на древнего германца в шлеме с орлом.

Подлая птица неожиданно перешла в контратаку. Она клюнула обер-лейтенанта в монокль, затем взлетела под потолок и спикировала оттуда на голову Швейка...

— Хва-хва-хва... — заверещал Райнбах.

— Уже схватил, — отрапортовал Швейк, сгребая курицу вместе с пилоткой. — Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, теперь она не только саботажница, но и государственная преступница.

— Что вы ме-ме-мелете? Зачем вы притащили сюда эту пти-пти-птицу? — спросил фон Райнбах, в изнеможении опускаясь на стул.

— Так что, разрешите доложить, господин обер-лейтенант, вышеназванная птица из породы куриц, шести месяцев от роду, по имени Чернушка, арестована мной за злостный саботаж и умышленное невыполнение вашего приказания. Я сначала хотел посадить её на хлеб и воду, но подумал, что это ей может понравиться, и решил привести её к вам, чтобы вы её допросили.

— Про какое приказание вы говорите? — устало спросил Райнбах.

— Осмелюсь доложить, относительно яиц.

— Каких яиц?

— Осмелюсь доложить, я имею в виду куриные яйца.

— Не мо-мо... — начал фон Райнбах, лиловея от ярости.

— Я не морочу вам головы, господин обер-лейтенант, — сказал Швейк, — а действую согласно вашему приказанию относительно того, что с каждой курицы в деревне надо получать 25 яиц в месяц и что птица, не выполнившая норму, поступает в собственность германского государства.

— Ну?

— Осмелюсь доложить, приказания она не выполнила, и я уже по глазам вижу, что не выполнит. Между прочим, господин обер-лейтенант, если подходить формально, она, конечно, саботажница, но если войти в её положение, то я не хотел бы оказаться на её месте. В вашем сегодняшнем приказе написано: «Сдать норму, то есть 25 яиц, с каждой птицы, до конца месяца». А сегодня уже пятнадцатое число. Так что я не знаю, как она успеет обернуться. Представьте себе, что вашу жену вызовут в градоуправление и скажут, чтобы она родила за 9 месяцев четверых детей. От такого предложения, осмелюсь доложить, ваша жена закудахтает хуже этой курицы.

— Мо-мо...

— Может быть? Конечно, может быть. Это напоминает мне историю некоей Маженки из Округлиц, которая три года подряд рожала по двойне. Вот, кстати, если бы все курицы в нашей деревне научились нестись двойняшками, вы могли бы увеличить норму до 60 яиц в месяц. Но вернёмся к этой Маженке. Значит, у неё образовались три пары детей, причём в каждой паре дети были абсолютно похожи друг на друга, и от этого происходила немыслимая путаница. Например когда маленький Войтех сожрал банку варенья, по ошибке стали пороть Франтишека и долго удивлялись, почему он кричал: «Мама, я больше не буду плевать тёте в табакерку!» А что касается двух сестёр, Яси и Кази, то с ними...

— Мо-молчать!—прорвался наконец Райнбах.— Уб-уб...

— Приказано убираться вон, — повторил догадливый Швейк и, чётко повернувшись, вышел.

Однако через секунду дверь снова скрипнула.

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, я не совсем понял, как быть с курицей: расстрелять или повесить?

— В-вон! — гаркнул Райнбах.

— Тогда я её лучше расстреляю, — невозмутимо сообщил бравый солдат, — а то после повешения может свернуться кровь — и мясо будет жестковатым. Я уже ухожу, ухожу, — предупредил он угрожающий жест Райнбаха. — Цып, цып, цып, идём, я тебе пшена дам.

И, ловко подхватив доверчивую птицу, бравый солдат удалился, оставив Райнбаха переписывать приказ о новых налогах.

Через два часа труд был закончен. Упоённый собственной изобретательностью, обер-лейтенант немедленно вызвал Швейка.

— При-приказ,— торжественно объявил Райнбах и затем начал читать нараспев, чтобы не заикаться и не испортить впечатления: — «С сегодняшнего дня устанавливаются следующие налоги: на дом — 150 рублей в год; окно, выходящее на улицу, — 15 рублей; окно, выходящее во двор, — 10 рублей...»

— Осмелюсь доложить, — вставил Швейк, — вы ещё забыли притолоку, пол, потолок. За это можно содрать отдельно.

— «На домашних животных,—продолжает Райнбах, — налоги устанавливаются в размере: за собаку — 100 рублей...»

— Это даже мало, — сказал бравый солдат. — Осмелюсь доложить, собака—друг человека.

— «...На кошку — 50 рублей...»

— Правильно,— одобрил Швейк.— Между прочим, надо включить в этот приказ ещё блох и вшей. Правда, тут есть такая трудность: эти насекомые по большей части не местные, а наши. Но в крайнем случае мы можем провести это как арендную плату за пользование нашими вшами.

— Это гра-гра...

— Грабёж? — удивился Швейк. — Да, ведь, осмелюсь доложить, то, что у вас написано выше,— тоже...

— Это—гра-грандиозное предложение, — сказал Райнбах. — Я его разработаю. А тот приказ вы пе-перепи...

— Приказано переписать, — отбарабанил Швейк и принялся за работу.

(Продолжение следует.)

См. «Огонёк» № 2.

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Луна зашла

Рисунок А. Житомирского

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ I ГЛАВЫ

Маленький мирный городок (очевидно, норвежский) захвачен немцами. Их цель — поработить жителей, выкачать из городка уголь и продовольствие. Жители городка в растерянности. В доме мэра Ордэна появляется начальник оккупационного отряда полковник Лансер, с ним местный коммерсант Корелл — единственный в городе представитель «пятой колонны». Полковник предлагает мэру «ради общего благополучия» перейти к немцам и принять меры к бесперебойной работе шахт. Одновременно он сообщает о своём намерении поселиться у мэра в доме. Мэр говорит: «Не будет ли дозволено мне отклонить эту честь?» «Нет, — отвечает полковник, — таков приказ».

2

В верхнем этаже маленького особнячка мэра разместился штаб полковника Лансера, состоявший из майора Хунтера — инженера, небольшого человечка, занятого цифрами; капитана Бентика — отца семейства, который любил собак. Для капитана он был уже стар — отсутствие честолюбия не давало ему возможности выдвинуться. В противоположность Бентику капитан Лофт был почти юнец. Но он жил и дышал тем, что он капитан. Вся его жизнь была заполнена военщиной. Подхлёстываемый честолюбием, он лез в гору. И наконец, лейтенанты Пракле и Тондер — совсем ещё сопляки, бывшие студенты, воспитанные в духе сегодняшнего дня. Для этих юных офицеров война была одной лишь игрой — прекрасное оружие и блестящий план против невооружённых.

Здесь, на верхнем этаже особнячка, было нечто вроде клуба, где они читали и писали письма, пили кофе, вырабатывали планы тех или иных действий и отдыхали. Из окон они могли видеть городок вплоть до моря, доки, куда причаливали баржи, нагружавшиеся углем и уходившие в море.

Посредине комнаты стоял большой стол. За ним сидел майор Хунтер с наугольником и линейкой и вычерчивал схему новых запасных путей на железнодорожной станции.

Пракле показывал Тондеру вырезанную из журнала фотографию актрисы.

— В этом городишке имеются хорошенькие девочки,— сказал он. — Вот устроимся мы как следует, всё пойдет гладко, и я познакомлюсь с некоторыми из них.

Дверь отворилась, и в комнату вошёл полковник Лансер. Он проговорил:

— Хунтер, завтра придут ваши рельсы, и вы сможете на этой неделе начать их укладку.

В этот момент раздался стук в дверь и вестовой просунул через неё свою голову

— Вас желает видеть Корелл.

— Хорошо, впустите его,— сказал полковник и обратился к остальным: — Этот человек проделал здесь для нас всю подготовительную работу. Но мы не оберёмся с ним хлопот.

В комнату вошёл Корелл, потирая руки. Он излучал доброжелательность. На голове у него был наклеен кусочек пластыря.

— Добрый день, полковник, — произнёс он.

— Добрый день,— отвечал тот, сделав рукой округлый жест.— Это мой штаб.

— Прекрасный народ! — сказал Корелл. — Свою задачу они выполнили с честью. Ну, а я постарался для них...

— Да, вы хорошо действовали,— проговорил Лансер.

Корелл рассматривал офицеров искоса, затем сказал:

— Не могли бы мы, полковник, поговорить наедине?

— Пожалуйста, если вам так угодно. Лейтенант Пракле и лейтенант Тондер, пожалуйста, пройдите в свою комнату! — сказал полковник.— Майор Хунтер работает. А когда он работает, то ничего не слышит,— затем, посмотрев на пластырь, на голове Корелла, он довольно грубо спросил: — Они уже пытались покончить с вами?

Корелл потрогал рукой повязку:

— Сегодня утром на меня свалился камень со скалы.

— А вы не думаете, что его бросили в вас?

— Что вы хотите этим сказать?..— спросил Корелл.— Здешний народ не отличается силой. Здесь уже забыли о борьбе.

— Ну, вам лучше знать: вы жили среди них,— ответил полковник. — Но этот народ,— полковник подошел поближе к Кореллу,— непохож ни на какой другой. Я участвовал в занятии других стран. Я был в Бельгии двадцать лет тому назад.— полковник потряс головой, точно хотел внести ясность в свои мысли. — Вы хорошо поработали. Мы должны быть благодарны вам. Я отметил вашу работу в своем рапорте по начальству.

— Благодарю вас,— сказал Корелл. — Я сделал всё, что мог.

— Ну, а что мы теперь будем делать? — произнёс Лансер утомлённым голосом. — Не пожелали бы вы вернуться в столицу?

— Нет. Я останусь здесь.

Хунтер взглянул на него и заметил:

— Вам, пожалуй, не мешало бы начать носить каску.

Корелл, сидя в кресле, вытянулся вперёд:

— Мне кажется, полковник, что я могу быть полезен в городском гражданском управлении.

Лансер подошёл к окну, выглянул через него, затем повернулся и спокойно произнёс:

— О чём вы говорите?

— Вам необходимо иметь представителя гражданской власти, которому вы могли бы доверять. Мне кажется, что мэру Ордэну пора уйти, и... и я мог бы занять его место.

Лансер пристально посмотрел на него.

(Продолжение на след. стр.)

Полковник, посмотрев на пластырь на голове Корелла, довольно грубо спросил: «Они уже пытались покончить с вами!»

См. «Огонек» № 2.

— А вы знаете, что здешние люди думают о вас? — спросил он.
— У меня здесь много друзей. Я знаю всякого и каждого.
— Современем все они возненавидят вас,— сказал полковник.
— Я выдержу это. Они мои враги.

Прежде чем начать говорить, полковник Лансер долгое время что-то обдумывал, а затем сказал:

— Мы должны уточнить всё это. Моя задача заключается в том, чтобы вытянуть отсюда уголь. Я обязан поддерживать порядок и дисциплину, а для этого я должен знать, о чём думают местные жители. Я не могу допускать никаких беспорядков. Понятно?

— Да, я понимаю, что вы желали бы знать. И, как мэр, я буду очень полезен вам в этом отношении,— сказал Корелл.

Лансер покачал головой:

— Я думаю, что вы уже больше никогда не будете знать, что здесь происходит. Я думаю, с вами никто больше не будет говорить. Я думаю, что если у вас не будет особой охраны, вы будете подвергаться большой опасности... Мне хотелось бы, чтобы вы вернулись в столицу. Там вы будете вознаграждены за вашу работу.

— Но я желаю остаться здесь,— возразил Корелл.

Лансер продолжал, точно не слышал слов Корелла.

— Ордэн — здесь больше чем мэр,— сказал он.— Он сам местное население. Ордэн знает, что делают его соотечественники, о чем они думают, при этом он не расспрашивает, потому что сам он думает так же, как и они. Следя за ним, я буду знать всё о них. Он должен остаться на своём посту. Таково моё мнение.

— Моя работа, полковник,— заметил Корелл,— достойна большей награды, чем высылка.

— Да, конечно,— медленно отвечал полковник,— но дальнейшая ваша работа может принести нам вред. Если вас ещё пока и не ненавидят, то это произойдёт в ближайшем будущем.

— Вы, конечно, разрешите мне ждать здесь официального решения на моё ходатайство остаться здесь? — упрямо спросил Корелл.

Голос Лансера сделался принуждённым:

— Носите каску, сидите дома, не выходите по вечерам и в первую очередь не пейте,— не доверяйте никому: ни женщинам, ни мужчинам.

Корелл посмотрел на полковника и сказал:

— Вы их не знаете. Это простой, мирный народ. Я их хорошо знаю.

— Больше нет мирного народа. Когда вы наконец поймёте это? Мы оккупировали страну. Вы при помощи того, что они называют предательством, подготовили всё для нас. Неужели же вы не понимаете, что мы находимся в состоянии войны с этим народом?

— Мы их победили.

— Мне наскучили люди, которые сами не были на войне и которые всё знают о ней,— резко сказал Лансер.— Мне припоминается такой случай: в Брюсселе была маленькая старушка с приятным лицом, седенькая, с изящными руками. Она обычно пела нам наши национальные песни таким нежным голосом. Мы не знали, что её сын был казнён. И прежде чем мы расстреляли её, она прикончила двенадцать наших солдат длинной шляпной булавкой. Эта шпилька сохранилась у меня дома. У неё эмалевая головка с изображением какой-то птицы.

— И её расстреляли, эту старушку? — спросил Корелл.
— Конечно, расстреляли.
— И прекратились убийства?
— Нет, убийства не прекратились. А когда мы отступали, жители приреэывали отстававших.

В этот момент раздался стук сапог по лестнице. Дверь распахнулась, и в комнату вошёл капитан Лофт. Он держался прямо, по-военному, холодно. Он сказал:

— Произошло неприятное событие.
— Неприятное событие?
— Да. Доношу, что капитан Бентик убит.

Снова раздался звук шагов на лестнице. Показались два солдата с носилками, на которых лежала фигура, покрытая одеялом.

Оба лейтенанта вышли из своей комнаты; их рты были раскрыты от удивления.

— Поставьте его здесь,— распорядился полковник, указав на место у стены возле окна.

Когда солдаты ушли, полковник посмотрел на Лофта и спросил:

— Кто это сделал?
— Какой-то горняк.
— Докладывайте всё!

Лофт подтянулся и проговорил официальным голосом:

— Я только что сменил капитана Бентика на дежурстве в копях. Капитан Бентик собрался пойти сюда. В этот момент у меня произошла стычка с непокорным горняком, который хотел прекратить работу. Он прокричал что-то относительно того, что он свободный человек. Когда я приказал арестовать его, он набросился на меня со своей киркой. Капитан Бентик попробовал было вмешаться и...— Лофт указал рукой на труп.

— Вы схватили негодяя? — спросил полковник.
— Да,— ответил Лофт.

Лансер проговорил точно про себя:

— Итак, начинается. Мы расстреляем этого человека, и завтра появятся двадцать новых врагов. И это — всё, что мы знаем. Это — всё, что мы знаем.

(Продолжение следует.)

Перевод с английского А. Беляева.

НЕФТЬ — ЭТО ОРУЖИЕ. Мощной струёй выбивается нефть. Введена в строй новая скважина (снимок вверху). Скважина была готова на пять дней раньше установленного срока. Самоотверженно и упорно трудятся нефтяники промысла Курсалы (Казахская ССР): они знают, что нефть, как и самолёты, танки, пушки, нужна нашей армии для победы над врагом. Нефтяникам промысла за отличную работу присуждено переходящее красное знамя.

На снимках внизу: слева — стахановец мастер буровой машины Музданбаев; справа — митинг по случаю вручения красного знамени.

Кадры из «Союзкиножурнала». Кинооператор В. Соколов.

Литературные новинки

ЛЮДИ ГЕРОИЧЕСКОГО СЕВАСТОПОЛЯ

В издании «Молодой гвардии» вышла книга Александра Хамадана «Севастопольцы» — тридцать очерков о героических защитниках и о замечательном населении славного города Корнилова и Нахимова. Автор провёл несколько месяцев в осаждённом немецко-румынскими фашистами Севастополе: в штольнях Инкермана, на Сапун-горе, на Малаховом кургане, в Генуэзской башне и на других участках фронта.

«Севастопольцы», — говорит в предисловии к книге руководитель севастопольской обороны генерал И. П. Петров, — написаны под огнём немецкой тяжёлой артиллерии и миномётов, под грохот авиобомб и гул самолётов, под лязг танковых гусениц, при свете свечи в землянках артиллеристов и пехотинцев».

Перед читателем проходят старые боевые генералы, полковники и командирская молодёжь, краснофлотцы и красноармейцы, рабочие и работницы. Их объединяют великая любовь к Большой Земле, к родине, к Сталину, яростная ненависть к врагу и страстная воля: выстоять.

Со взрослыми в хладнокровии соревнуются севастопольские дети, подростки. Как только диктор объявляет воздушную тревогу, на улицах и дворах, покрытых воронками от прошлых бомбёжек, среди развороченных домов слышатся их возгласы:

«Внимание! Внимание!
На нас идёт Германия.
В который раз, в который раз
Она зазря пугает нас?»

Архивариус Антонов — «самый беспокойный старик, какого когда-либо знал Севастополь». Ему шестьдесят семь лет. Но он обманул командира истребительного батальона, сказав, что ему сорок лет, и чеканил шаг вместе с молодёжью, с винтовкой за плечами и холщёвым патронташем на поясе. Антонова «разоблачили». Но старик не поддался увещеваниям и лишь с большим трудом согласился на компромисс: он сменил винтовку на лопату, перейдя на строительство оборонительных сооружений.

Настя Чаус — стахановка-штамповщица на Морзаводе. Ей оторвало руку осколком бомбы. Но она приспособилась и одной правой рукой довела свою выработку до трехсот пятидесяти процентов нормы.

Балаклавские рыбаки уходили вместо рыбной ловли в ночную разведку. Они доставляли ценнейшие сведения о противнике, вывозили раненых. Старый парикмахер дядя Митя брил и стриг под непрестанной артиллерийской пальбой, рассказывая бойцам поучительные истории, весёлые шутки, житейские истории. Младший лейтенант Григорий Орлов, бывший десятник московского метро, стал командиром горстки храбрецов Генуэзской башни. Эти люди выдержали семьдесят немецких штурмов, шквал из пяти тысяч мин и снарядов, нескольких миллионов пуль.

Сержант с мягким взглядом карих глаз Нина Онилова — командир пулемётного расчёта. На её боевом счету более 500 вражеских солдат и офицеров.

Пятёрка моряков: Фильченко, Одинцов, Красносельский, Цибулько, Паршин. Насыпь на Дуванкойском шоссе, где погребены останки этих чудо-богатырей, хранит память об их бессмертном подвиге. Бросаясь со связками гранат за поясом под гусеницы немецких танков, они взрывались вместе с атакующими вражескими машинами — и это решило исход боя: враг был отброшен с большим уроном.

В книге приведены две выдержки из приказов фашистского командования.

«Севастополь — крепость слабая. Она защищена всего несколькими батареями береговой обороны и десятком пулемётных блиндажей. Взять маршем, коротким ударом», — гласил немецкий приказ накануне первого, ноябрьского штурма 1941 года.

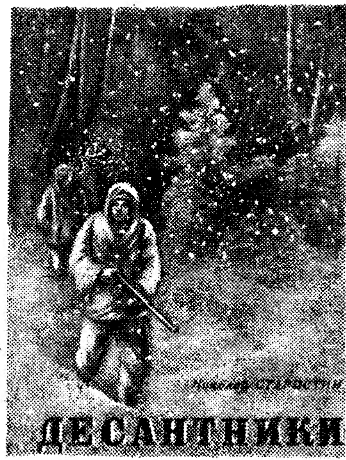
«Первоклассная крепость. Укреплялась на протяжении десятилетий. Снабжена всеми средствами борьбы», — писали гитлеровцы после того, как их орды захлебнулись в своей собственной крови и сотни тысяч их солдат и офицеров легли на подступах к легендарному городу.

Великолепное мужество севастопольцев правдиво и просто, с большим чувством отображено в книге А. Хамадана.

Л. Волынский

КНИГА О ДЕСАНТНИКАХ

Тихая ночь. Полная луна льёт свой холодный, голубоватый свет на снежные просторы. Вдруг среди сугробов в одном месте вспыхивает едва заметная красная точка, вот другая, третья. Им немедленно отвечают зелёные светлячки, они так же быстро пропадают, как и появляются. Это по условному сигналу собираются советские парашютисты-десантники, выброшенные в тылу врага... Книжка Н. Старостина «Десантники» полна таких ярких картин, изображающих жизнь и боевую деятельность наших десантных войск.

За месяцы отечественной войны в нашей литературе возник новый жанр — книги, созданные самими участниками военных событий, хорошо знающими то, о чём они пишут, сумевшими найти для своих вещей точный и ясный стиль, простые, взволнованные слова. Книга «Десантники», изданная Гослитиздатом, наряду с очерками А. Полякова «В тылу врага» — одно из наиболее выдающихся произведений этого жанра. Автор её до начала своей «профессии» десантника несколько месяцев партизанил в известном отряде Шевцова, о котором в своё время сообщало Совинформбюро, и был награждён орденом Боевого красного знамени.

Разведчик Васякин, снайпер Коновалов, доктор-десантник Исаев, лейтенант Батенко, самый маленький парашютист — смешливый повар Андреев — все действующие лица книги Н. Старостина — это живые люди, любящие своё дело, храбрецы, чья борьба в тылу у немцев является одним большим подвигом.

Особенно удались Н. Старостину главы «Белые ангелы», «Как был взят город Н.», «Разведка» и «Сражение», рисующие сноровку десантников, их военную хитрость, стойкость и мужество. Один из героев «Десантников» Н. Старостина — генерал Казанкин — перелистывая страницы вышедшей в свет книги, заметил:

— Главное её достоинство — это правдивость и тот дух военного романтизма, который свойственен десантнику.

И действительно, книга Н. Старостина будет волновать сердца наших юношей, заставит их мечтать о полной лишений и трудностей, но почётной и славной борьбе в неприятельском тылу.

А. Кривицкий

НАД ЧЕМ Я РАБОТАЮ

Я работаю сейчас над драматической трилогией «Иван Грозный».

Время Грозного, XVI век, — это эпоха создания русского государства. Личность и дела Ивана Грозного в силу ряда причин искажались историками. Только теперь, на основании недавно открытых документов, русская историография вернулась к этой эпохе, чтобы по-новому осветить её. Эпоха Грозного — это эпоха русского Ренессанса, которая, так же как эпоха Петра Великого, отразила огромный подъём творческих сил русского народа.

Почему в наши дни я занялся такой отдалённой эпохой? Потому что в личности Ивана Грозного и людей, его окружавших, с особенной яркостью отразилось всё своеобразие, весь размах русского характера. Грозный — человек больших страстей, человек огромного, пытливого, иронического ума, ума практического и вместе с тем способного на непомерный полёт фантазии.

Первая часть трилогии закончена. Сейчас я работаю над второй, центральной частью.

Закончить «Грозного» я намерен этой зимой и тогда вернусь к давно подготовленной работе над третьей и последней книгой романа «Пётр Первый».

Московский театр драмы готовит к постановке мою комедию «Нечистая сила, или как русский немца обманул». Пьеса эта из времён экспансии германского капитала в дореволюционной России. Она была написана мной весной 1915 года и впервые была поставлена в московском театре «Эрмитаж». Первыми её исполнителями были Блюменталь-Тамарина, Полевицкая, Борисов, Певцов, Радин. Комедия шла во многих театрах до 1933 года. Главная роль — Мардыкина — была любимой ролью Степана Кузнецова, гастролировавшего с этой пьесой по провинции.

Минувшей осенью художественный руководитель Драматического театра Ленсовета — ныне Московского театра драмы — Н. М. Горчаков обратился ко мне с просьбой переделать «Нечистую силу» для руководимого им театра.

Вначале я отказывался от этой задачи, не желая разогревать старое блюдо. Но затем мне пришла на мысль совершенно коренная переделка комедии с заменой одного действующего лица новым лицом — немцем, — типичным представителем и агентом экспансии германского капитала в дореволюционной России. Тогда комедия получила неожиданную заострённость и актуальность. Сохранив остальных действующих лиц и общую ситуацию пьесы, я написал новый текст взамен старого.

Действие комедии происходит в одном из больших южных провинциальных городов. Некий немец Вольф, служа секретарём у начальника отделения департамента торговли и промышленности Мардыкина, пользуется им для захвата русских предприятий и заводов немецким промышленным капиталом. Племянник Мардыкина — Шилов, корреспондент петербургской газеты, — приезжает к дяде с целью получить сенсационный разоблачительный материал для своей газеты, так как слухи о тёмных делах, творящихся в городе, достиг-

Алексей Николаевич Толстой.

ли деловых сфер столицы. Шилов вступает в борьбу с Вольфом. Ему сочувствует и помогает его кузина, дочь Мардыкина, судьба которой тоже ставится на карту в этой игре.

Комедийные положения усугубляются влюблённой в Мардыкина сорокалетней владелицей рельсопрокатного завода, вокруг которого ведётся тёмная интрига Вольфа.

Во всей этой сложной игре Вольф терпит жестокое поражение.

Таково содержание комедии.

Кроме работы над историческими произведениями я пишу статьи, новеллы и очерки, черпая материал из событий современной войны, в которой русский народ проявляет свои удивительные качества отваги, непоколебимой стойкости и ярости в борьбе. Эти работы выпущены в сборниках «Родина», «Я призываю к ненависти» и «Рассказы Ивана Сударева».

В ближайшее время в Гослитиздате впервые выйдет в свет полностью мой роман-трилогия «Хождение по мукам».

Первая книга этой трилогии — «Сёстры» — была начата в 1910 году и вышла в свет в 1921 году. Вторая книга — «Восемнадцатый год» — вышла в 1928 году. Третья, последняя книга — «Хмурое утро» — закончена 22 июня 1941 года. Отдельным изданием она выпущена в 1942 году в Ленинграде.

Так как трилогия писалась мною на протяжении многих лет, то осенью 1942 года я отредактировал все три части, придав им целостность единого романа.

Издаётся «Хождение по мукам» в одном томе.

Алексей Толстой

• Театр • Музыка • Скульптура •

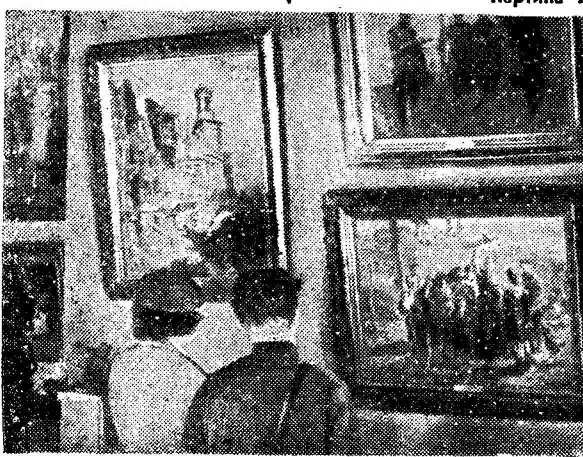
ВЫСТАВКА В КУЙБЫШЕВЕ

В Куйбышеве недавно открылась выставка живописи, скульптуры и графики, посвящённая великой отечественной войне. На выставке представлены 49 художников Москвы, Ленинграда, Куйбышева и других городов Советского Союза.

Всеобщее внимание привлекает картина художника Танклева «Клятва», интересная по композиции и яркая по художественному выполнению. Среди развалин разорённого немцами села, только что освобождённого частями Красной Армии, перед виселицей, сооружённой гитлеровскими палачами, стоит молодой русский боец — он призывает к мщению.

Картина художника Танклева «Клятва».

Уголок зала выставки «Великая отечественная война», открывшейся в Куйбышеве.

Художник правдиво сумел передать переживание рядового бойца Красной Армии, охваченного страстной ненавистью к врагу.

Интересны красочные жанровые наброски быта Москвы в дни войны, исполненные молодой художницей Ерёминой, а также серия гравюр «Куйбышев в 1942 году» художника Романова.

Художник Сидоров, автор картины «Киров на охоте», представлен на выставке картиной «Проводы на фронт», к сожалению, не законченной.

Прекрасно выполнена скульптура «Гвардеец» — Акимова. В повороте головы, в чертах лица, полных решимости, выражены высокий дух доблести и благородства, свойственные советскому гвардейцу.

НА ЗАРЕ РУССКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ МУЗЫКИ

Это искусство — одно из самых молодых в России. Первые сведения о нём появляются лишь к половине XVIII века. Так, «Санкт-Петербургские Ведомости» сообщили однажды об издании «Куриозной музыкальной штуки, состоящей из одного менуэта, который на клавесине, скрипке и басу играть можно разным образом».

Один за другим возникают затем всевозможные «карманные сборники» с фортепианным репертуаром, клавикордные сборники с музыкальными композициями русского поэта-драматурга А. П. Сумарокова, сборники так называемых «столовых штук», куда входила музыка, исполнявшаяся на клавикордах во время «обеденного стола» в зажиточных домах, появляются, наконец, «песенники» с аранжировками для фортепиано русских народных песен.

Сейчас Государственное музыкальное издательство готовит к печати сборник «Старинные русские фортепианные пьесы» (под редакцией А. Дроздова, с комментариями Т. Трофимовой). В сборнике нашли место русские песни с вариациями неизвестных авторов XVIII века, фортепианные пьесы бывшего дворового музыканта, выдающегося русского скрипача-виртуоза Ивана Хандошкина, Василия Трутовского — придворного певца и гуслиста, автора любимой военной молодёжью песни «Кружка» на державинский текст.

Мы встречаем в сборнике сонаты Дмитрия Бортнянского. Когда, в далёкой юности, тринадцатилетний певчий выступил в спектакле придворной капеллы, он обратил на себя внимание европейских капельмейстеров. Бортнянского послали в Италию на «ученье». Он усвоил все тонкости западной науки, но, приехав на родину, не стал слепо подражать европейским мастерам: он постоянно стремился внедрять в профессиональную отечественную музыку исконные русские напевы.

Несколькими полонезами представлено в фортепианном сборнике творчество Осипа Антоновича Козловского. В своё время это имя гремело по всей России. Отважный воин, он вместе с русскими войсками участвовал в походе под Очаковом. Молодого прапорщика драгунского полка уважали за храбрость. Его любили за прекрасный голос и музыкальный талант. Сам Потёмкин отметил его и перевёл к себе на службу в Петербург. Победу суворовских полков, штурмом взявших Измаил, Козловский увенчал блестящим полонезом «Гром победы раздавайся».

Один из фортепианных вальсов, вошедших в сборник, принадлежит перу пушкинского современника Андрея Есаулова. Великий поэт от души восхищался его самородным талантом, хлопотал о его судьбе; есть версия о том, что свою «Русалку» Пушкин предназначал в качестве либретто для оперы Есаулова.

Выходящий сборник познакомит нас с малоизвестными сочинениями талантливых современников Глинки — Гурилёва, Геништы, Виельгорского — с творчеством знаменитой пианистки Марии Шимановской, одного из «королей вальса» в России — Ласковского.

Е. КАНН.

ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ В КУЗБАССЕ

Петровская эпоха. Годы бурного роста могущества и славы России. Время смелых нововведений, создания основ русской промышленности, создания русского флота... Сотни юношей отправляет Пётр учиться заграницу.

Вместе со своим барином, боярским сынком Свиньиным, в Париж попадает «холоп» — молодой калмык Ахмет, выменянный когда-то Свиньиным за пачку табаку.

Молодой Свиньин, настоящий Митрофанушка, глуп и ленив — за барина учится способный, настойчивый Ахмет.

Обман обнаруживается, когда Пётр производит смотр новым капитанам. Свиньин чуть не губит доверенный ему корабль, и только мастерство и отвага Ахмета предотвращают катастрофу.

Ахмет произведен в капитаны! Бояре негодуют. «Он холоп, да ещё и калмык!», — возмущается Свиньина. «Да, правда: их Русь — мне не родина, — обращается к Петру Ахмет, — твоя Русь — мне мать родная!»

Вот краткое содержание новой оперетты «Табачный капитан» музыка В. Щербачёва, текст А. Адуева), которую показал в Сталинске Московский театр оперетты.

Театр оперетты уже год находится в Кузбассе. Этот год — год напряжённой творческой и общественной работы коллектива театра.

Сцена из III акта оперетты «Табачный капитан». Пётр I делает смотр первым русским капитанам, прибывшим из Франции.

Заслуженный артист республики Н. Бравин в роли Петра I (оперетта «Табачный капитан»).

Московский театр оперетты завоевал симпатии кузбассовцев: металлургов, угольщиков, строителей, железнодорожников и др.

«Табачный капитан» — удача театра, талантливых исполнителей ведущих ролей: заслуженного артиста республики Н. Бравина, создавшего убедительный и яркий образ Петра, артистки Е. Лебедевой (Люба, возлюбленная Ахмета), артиста М. Урбана (Ахмет — самолюбивый, умный и смелый юноша) и артистки О. Власовой (кокетливая, задорная Нинон, содержательница одного из парижских отелей).

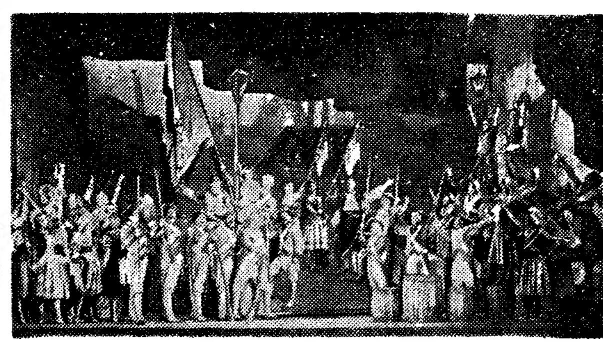
«Табачный капитан» пользуется у зрителей очень большим успехом.

Вторая премьера Театра оперетты — «Дочь тамбур-мажора» Оффенбаха.

Действие пьесы происходит в годы Великой французской революции. Героический французский народ борется за свою свободу, против прусско-австрийских войск, которые призваны во Францию кучкой предателей во главе с королём Людовиком XVI. В пьесе два лагеря: народная французская армия, доблестные марсельцы во главе с лейтенантом Гобером, и немецкие угнетатели со своими французскими лакеями. Основная идея спектакля — победа французского народа над немецкими захватчиками — делает его близким и волнующим.

Оба новых спектакля Театра оперетты поставлены заслуженным артистом республики И. Раппопортом.

Л. Лозинская

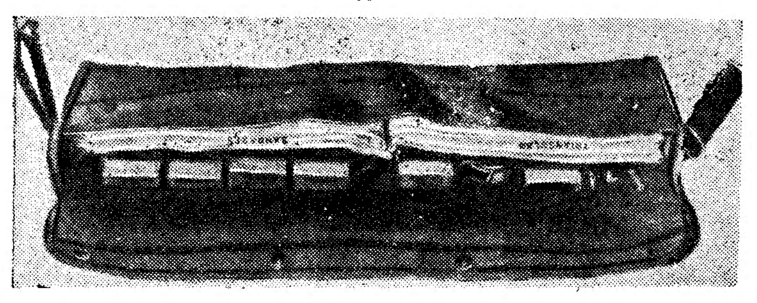

Оперетта «Дочь тамбур-мажора». Финальная сцена.

ПОЯС С МЕДИКАМЕНТАМИ

Рабочие американских оборонных предприятий снабжены поясами для оказания первой помощи пострадавшим при взрывах или пожарах. Изображённый на снимке пояс плотно закрывается и не пропускает воды. В нём размещено всё необходимое для оказания первой помощи при ожогах и осколочных ранениях: разнообразные бинты, пластыри, ножницы и разные медикаменты.

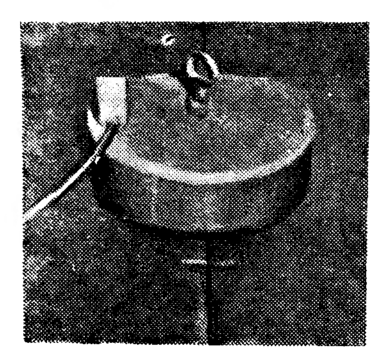
Подобные походные аптечки-пояса упрощённого вида можно изготовить самому, использовав обрезки прочного холста или брезента и застёжку-«молнию».

ЭЛЕКТРОМАГНИТ НА ВЕРФЯХ

Современное судостроение требует выполнения разнообразных сварочных работ. Между прочим, этим способом соединяются толстые стальные плиты.

Предварительная подготовка таких плит связана со сравнительно большой затратой времени. К одной из плит приваривается болт с ушком. Вставленным в ушко стержнем плита постепенно пододвигается к другой. После сварки болт отрезают, и место, где он был закреплён, тщательно зачищают.

Теперь такую подгонку кромок значительно быстрее и без особых усилий рабочего выполняет электромагнит, который подводится к этим плитам подъёмным приспособлением. Как только в электромагнит включается электрический ток, плиты быстро и очень плотно прижимаются друг к другу и сварщику остаётся только выполнить требуемый шов.

«ВНИМАНИЕ: САМОЛЁТ!»

Этот оригинальный головной аппарат позволяет наблюдателю противовоздушной обороны постоянно следить за небом и обнаруживать приближающийся самолёт противника.

Как только наблюдатель слышит рокот мотора самолёта, он медленно поворачивает голову до тех пор, пока звук не станет наиболее чётким и громким, то есть когда его аппарат будет точно направлен на самолёт. Улавливающий звуковые волны «концентратор» соединён с наушниками и с усиливающей установкой, в которой использованы три миниатюрные лампы. Имеющиеся фильтры задерживают все звуки, кроме шума самолёта. Ценные качества этой аппаратуры — портативность и простота обращения.

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНГРАДА

Ленинградский техникум физической культуры продолжает подготовку преподавателей, инструкторов физкультуры, методистов по лечебной физкультуре. 150 воспитанников техникума получили дипломы во время войны и работают сейчас в частях Красной Армии и госпиталях. На снимке: студентки техникума на занятиях по гимнастике.

Товарищеская встреча на коньках между командами общества «Динамо».
Фото Б. Басютинского (ТАСС)

ЛЫЖНИКИ В СОКОЛЬНИКАХ

Сокольники — любимое место московских лыжников. С ними связано много ярких событий на спортивной лыжне. Здесь, у одноэтажного домика против станции метро, четыре московских студента: А. Немухин, М. Гостев, И. Захаров и А. Елизаров — в 1911 году начали неслыханный по тому времени поход на лыжах. «Сумасшедшая затея» московских спортсменов заключалась в том, что четыре друга решили пройти на лыжах 680 вёрст — из Москвы в Петербург. Смельчаки проложили первую лыжню до берегов Невы за 12 дней.

Снежные просторы Сокольников полвека являются местом главнейших соревнований лыжебежцев. На хорошо знакомой летом — бегунам, зимой — лыжникам 4-й просеке гремели овации победителям традиционных лыжных эстафет, новым чемпионам страны. Здесь был финиш знаменитой гонки «Вокруг Москвы» — ярчайшего спортивного события лыжного сезона, — здесь встречали победителя многовёрстной гонки Звенигород — Москва.

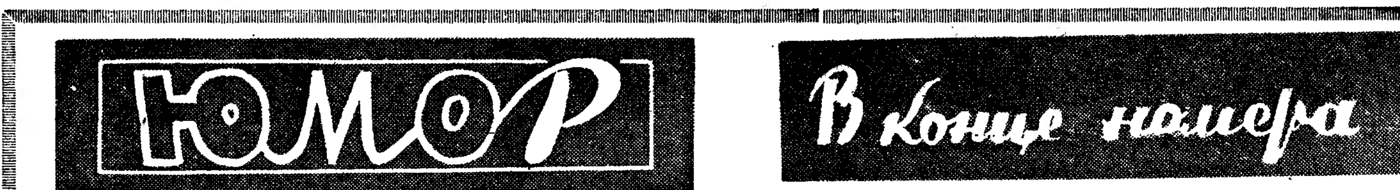
В Сокольниках каждый год происходит торжество открытия массовых лыжных кроссов.

На открытии лыжного сезона в эстафетном соревновании на 20 километров оказалась победителем команда мастеров-динамовцев в составе Лукашина, Ульмаева, Добрышина и Иванова. Зрители шумного, увлекательного соревнования 450 лыжников столицы были награждены сенсацией: лучшее время на пятикилометровом этапе неожиданно осталось за динамовцем Сугробовым из младшей команды. Но сезон лыжных баталий впереди. Чемпионам представляется возможность реваншироваться.

Такого количества лыжников просеки и аллеи Сокольнической рощи не видели за все 50 сезонов. В будни и в воскресенье, утром, днём и вечером и даже в лунные ночи, не остывают снежные узкоколейки. По накатанной лыжне беспрерывно шуршат гибкие полозья. Фронт требует лыжников-бойцов. Столица заполнила снежные классы задорной физкультурной молодёжью. Резервы Красной Армии учатся боевому искусству на лыжах.

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер спорта СССР

Цена 35 коп.

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

— Долго ли вы будете стоять под Сталинградом?

— Недолго, великий фюрер: скоро ляжем.

МЁРТВАЯ ГОЛОВА

— Слыхал, Ганс? На наш участок прибыла дивизия «Мёртвая голова».

— К сожалению, не голова, а только хвост: голову ей снесли русские артиллеристы.

В СТАВКЕ МУССОЛИНИ

МУССОЛИНИ. Как действуют наши танки в условиях пустыни?

ИТАЛЬЯНСКИЙ ГЕНЕРАЛ. Прекрасно. Они сданы англичанам в полной исправности.

(Из фронтовых газет «За нашу победу», «Патриот родины», «Красный черноморец»)

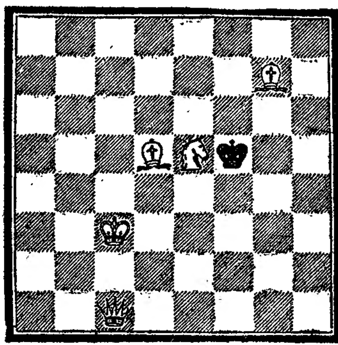

Новый вид на Кавказ.
Фронтовая газета «На штурм врага»

Рисунок П. Глазкова

ШАХМАТЫ

Под ред. мастера СССР Н. Зубарёва

ЗАДАЧА САМУИЛА ЛОЙДА

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

Самуил Лойд—знаменитый американский шахматный композитор.

Что делают наши гроссмейстеры

Гроссмейстер М. Ботвинник работает в городе Молотове инженером-электриком на одном из предприятий Уралэнерго. Левенфиш живёт в городе Куйбышеве. Там же в качестве инспектора областного комитета по делам физической культуры и спорта работает А. Лилиенталь. А. Котов работает на одном из оборонных заводов в Москве. Московский чемпион В. Смыслов недавно возобновил занятия как студент третьего курса Московского авиационного института.

Гроссмейстер С. Флор принят в советское гражданство и сейчас находится в Тбилиси.

Карел Трейбал расстрелян фашистами

Известный чешский шахматный мастер Карел Трейбал казнён в Праге по приговору фашистского трибунала.

Трейбал — не единственная жертва фашистов. В одном из концлагерей Польши погиб широко известный польский шахматный композитор Д. Пшенюрка; заточён в концлагерь во Франции О. Бернштейн.

«ВОЗВЕДЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ КОРОЛЯ»

В романе под таким заглавием немецкий писатель Арнольд Цвейг описывает проделки германской военщины в первой мировой войне.

Действие развёртывается в штабе верховного командования восточного фронта — Обер-Ост. В марте 1918 года здесь идёт грызня между различными группировками по вопросу о том, кого посадить на литовский престол: прусского или другого принца. Капитан, исполнявший функции секретаря на совещании Обер-Ост, которое должно было решить дальнейшую судьбу Литвы, говорит после совещания своему коллеге:

— Вы, конечно, тоже заметили то, что всплыло в моём телячьем мозгу?

— Что именно?

— А вот что: во время всего этого совещания ни разу не было произнесено слово «народ». Ни слова «народ», ни слова «человечество» или «человек» я не стенографировал сегодня.

ПЁТР I О НЕМЦАХ

Пётр I широкой рукой черпал от европейской культуры, отбирая всё то, что могло пойти как полезный материал в сплав культуры русской. Как известно, Пётр лично редактировал многие книги, избранные им для перевода на русский язык. Любопытна одна из петровских рецензий на одну из немецких книг по сельскому хозяйству.

«Понеже немцы,— писал Пётр,— обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела переводить не надлежит... чего ради о хлебопашестве трактат выправил (вычерня негодное) и для примера посылаю, дабы по сему книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют».

Яркую характеристику немцев оставил другой замечательный русский человек петровского времени — Иван Посошков, автор «Книги о скудости и богатстве»:

«Много немцы нас умнее науками, а наши — остротою, по благодати божией, не хуже их, а они ругают нас напрасно».

«На немец,— говорит в другом месте Посошков,— нам смотреть нечего: они нас обманывают, да деньги у нас выманивают, а самыя правды никогда нам не скажут».

БАТАЛЬОНЫ АМАЗОНОК

Во время французской революции 1789 года на защиту родины от нашествия интервентов, во главе которых шли немцы, поднялся весь народ. Женщины-патриотки участвовали в этом героическом порыве. Они шили обмундирование для волонтёров, щипали корпию для перевязывания ран, откапывали селитру для изготовления пороха, учились перевязывать раны и владеть оружием.

По всей Франции организовались «батальоны амазонок»: так назывались тогда отряды женщин-бойцов. Это были не амазонки в нашем смысле, не наездницы: название «амазонок» было заимствовано из древнегреческой мифологии, где оно обозначало сказочные племена воинственных женщин.

Главный контингент «батальонов амазонок» составляли женщины рабочих кварталов в Париже и в провинции. В густой сети народных обществ и клубов, которыми покрылась вся Франция, выделялось в 1793 году «Общество революционных гражданок», во главе которого стояла артистка-патриотка Клэр Лакомб, прозванная «Красной Розой».

ИЗ ИСТОРИИ ДАКАРА

Дакар во французской колонии Сенегал имеет интересное историческое прошлое. В IV—V веках до нашей эры, около 2500 лет назад, карфагенский адмирал Ганнон доплыл со своей флотилией до устья реки Сенегала. В память этого события была сооружена в одном из храмов Карфагена бронзовая доска с кратким описанием путешествия Ганнона. Доска эта была найдена, и надпись на ней переведена в эпоху Возрождения.

В средние века считали, что в зону экватора нельзя проникнуть, так как море там кипит от жары, а в воздухе раскалённая мгла. Так полагали и древние греки. Однако в 1445 году португальские моряки проникли до Зелёного мыса, близ устья Сенегала, между экватором и тропиком Рака, и были поражены его роскошной тропической растительностью и прекрасным климатом.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 27. 2 п. л. Подписано к печати 15/I—43 г. Изд. № 75. Тираж 150.000. Заказ № 370[illegible]

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.